

УДК 016:94(47)''1917 / 1922''+271.2

Т. Г. Леонтьева: *М. В. Каиль. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны, 1917–1922. Государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. М.: Издательство Ипполитова, 2010. – 23,5 п. л. Тираж – 1000 экз.*

Если озадачиться выявлением рейтингов научных направлений в современной отечественной историографии, то лидерство церковной истории будет очевидным. Она объединяет не только традиционные («родовые») темы (государственно-церковные отношения, внутрицерковное устройство, приходская жизнь, экономико-финансовые вопросы) процессуальной истории, но и сравнительно новые (по преимуществу – междисциплинарные) сюжеты – повседневность, ментальность, религиозность в гендерном дискурсе и т. п. Но как бы ни множились «труды» по данной проблематике, преобладают, увы, публикации, которые отнюдь не закрывают тему, а скорее наоборот – побуждают мыслящего читателя к сомнениям, а исследователей к новым изысканиям. Более того, по сей день современные историки не сотворили ничего равного по охвату (хронологическому и проблемному) трудам признанного церковного историка протоиерея Вл. Цыпина¹. Почему? Ответ на первый взгляд прост: история Русской православной церкви

(во всех её аспектах, за исключением богословия, о котором не берутся судить светские авторы), с одной стороны, чрезвычайно многосложна, с другой – основательно фальсифицирована историками всех поколений. Совершенно очевидно в этой связи, что созданию комплексного исследования должны предшествовать серьезные, свободные от продиктованных кем-либо методологических установок разработки, выполненные на региональных материалах.

К числу подобных относится, безусловно, монография молодого смоленского историка Максима Каиля «Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны, 1917–1922. Государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы». (М., 2010).

Автор адресуется к проблеме государственно-церковных отношений в советской России/СССР. Тема не новая и «отработанная» авторитетными учеными настолько, что в общественном сознании прочно укоренились *их* суждения. Корневой тезис об исключительной (и неизбежной) конфликтности

¹ См.: Цыпин В., *прот.* История русской церкви. 1917–1990. М., 1996; *Его же.* Русская церковь. 1925–1938. М., 1999.

этих отношений, обусловившей значительные жертвы среди православного клира и паствы (с возложением вины за произошедшее на государство), имеет в настоящее время не только научное, но и политическое звучание.

Мало того, что при таком подходе на «свалку истории» выброшена советская историография с её изобличениями «клерикализма и оголтелой контрреволюционности церкви / духовенства», так и смотреть на прошлое опять приходится с помощью «оптики», избирательно высвечивающей важнейшие аспекты истории «советской» православной церкви. Представляется, что историкам давно пора задаться вопросами: могла ли РПЦ безропотно принять Октябрьскую революцию, насколько лояльно было православное духовенство к советской власти, какова роль «простых» православных в массовых антиклерикальных кампаниях? Без прямых и честных ответов на них всё наше профессиональное сообщество будет и далее топтаться на месте, клонируя тезис об изначальном антагонизме церкви и власти после 1917 г.

М. В. Каиль отказывается от «избирательной памяти о прошлом» (с. 4), что, собственно, задаёт тон рецензируемой монографии. Его в первую очередь интересует суть внутриконтрфессиональных отношений и эволюции православного сообщества в условиях советской действительности, с учётом которых и рассматривается характер государственно-церковных контактов (с. 5, 6). В этой связи особую актуальность приобретает

изучение региональной специфики реализации раннего советского законодательства в отношении церкви, практик повседневных взаимоотношений церковных институтов и православных общин с органами местной администрации, а также конкретных антицерковных акций и репрессивных мер.

Автор отказывается от поднадоевшей методологической установки «РПЦ – жертва большевистского режима», побуждающей сосредоточиться на изучении репрессивной политики, и переносит акценты на внутриконтрфессиональные и институциональные процессы в период адаптации РПЦ к новым политическим реалиям. Словом, «старая» проблема рассматривается им как когнитивный резерв изучаемой проблемы.

Монография М. В. Каиля базируется на обширном и разнообразном документальном материале (законодательном, делопроизводственном, периодической печати), но явное предпочтение отдавалось архивным документам, что объясняется логикой исследования: автор ссылается на данные более 30 фондов трех федеральных (РГИА, ГАРФ, РГАСПИ), двух региональных (ГАСО и ГАНИСО) хранилищ. Следует особо отметить, что существенно расширили его исследовательские возможности документы из фондов ведомственного архива – АУ ФСБ Смоленской области (с. 6–7).

Из основного текста монографии, построенного на сопоставлении хода событий в столице и провинции, следует, что в Смоленской епархии к 1917 г. при очевидной

«типичности» социокультурных и организационно-церковных параметров (как минимум для Центральной России, с. 20), обнаруживаются и «нетипичные» характеристики. Явная слабость церковной организации, зависимость клира от мира в целом благоприятно сказались на протекании начального периода становления новой схемы церковно-государственных контактов. Так называемая «церковная революция» на переходе от Февраля к Октябрю прошла здесь практически бесконфликтно (с. 28, 32, 153), православный клир и миряне обнаружили готовность к компромиссу в решении общецерковных проблем и обновлению церковной жизни, а епископу Феодосию «удалось установить конструктивные отношения со всеми общественными силами в епархии» (с. 28). Не вызвал раздора даже щекотливый вопрос о разделе братских доходов (с. 31).

Однако процесс институционализации РПЦ в новых политико-идеологических условиях (после Октября 1917) изменил этот оптимистичный сценарий. Совершенно очевидно, что переход от патерналистской государственности, где «официальная» церковь патронировалась монаршими особами, к новой политической модели, где по определению ей не было места, был драматичным. Ситуация усугублялась тем, что из пресловутого дореволюционного «золотого века» за РПЦ тянулся длинный шлейф неразрешенных проблем, о чем красноречиво свидетельствовали дебаты Поместного Собора, и, что особенно важно, епархиальных

съездов духовенства и мирян (в том числе и в Смоленской епархии, с. 26, 34). В Смоленской епархии (как, впрочем, и некоторых других) продуктивный и (на первых порах) бескровный диалог, некоторое оживление приходской жизни обернулись трагическими столкновениями. Этот общеизвестный факт очень просто трактуется в современной историографии: первые декреты советской власти не оставляли шансов духовенству всех мастей устоять без государственных подпорок. Попытки со стороны духовенства и верующих мирян оспаривать неуклюжие действия местных управленцев, реализующих новые законы, выливались в обвинения «непризнания Советской власти» и заканчивались ревтрибуналами, заложничеством и т. п. (с. 97–113, 124).

Всё это так, но автор предлагает расширить причинный ряд и показывает, что со стороны православного духовенства в Смоленской епархии (как, впрочем, и других) отмечались провоцирующие агрессию высказывания и действия. Но могло ли быть иначе? Автор не формулирует этот вопрос, но привлечённые им к исследованию материалы (размещённые в том числе и в документальном разделе монографии, с. 163–352) позволяют читателю самостоятельно ответить на него.

В монографии затрагивается ещё одна важнейшая, но всё ещё мало изученная проблема «ментальных мутаций» в массовом сознании российского духовенства. На примере судеб смоленских иерархов представлены две модели поведения: традиционная (нацеленная

на неприятие новой власти и потому гибельная) и адаптивная, основанная на компромиссах (с. 30–31, 34–35, 38, 41–45, 153). Оставим без внимания вопрос, какая из них более соответствовала канону – ответ может быть неожиданным. Одно очевидно: каждый священник в то время должен был дать ответ на него прежде всего самому себе. В материалах монографии обозначается разнообразие жизненных траекторий православного «советского» духовенства.

Во второй главе «Государственная религиозная политика и Российская Православная Церковь в провинции в годы Гражданской войны» автор анализирует процесс становления советской вероисповедной политики во взаимосвязи с основными «факторами влияния» – позицией официальной церкви и коллизиями внутрицерковной жизни. Он отвергает растиражированное в историографии мнение о бескомпромиссности вероисповедной политики советской власти и отсутствии связи с обществом (с. 76–77). Анализируя законодательство и деяния новой власти в отношении РПЦ, он справедливо отмечает, что позиция советского правительства в первые дни сводилась к созданию нормативно-правовой базы, административному урегулированию, выстраиванию системы органов по осуществлению вероисповедной политики. М. В. Каиль последовательно обозначает явные изъяны большевистского законотворчества, которые в совокупности с «революционным творчеством масс» (заметим, не всегда и не вполне лояльных к церкви и духовенству) и

порой упорным противлением верующих новой власти скоро обернулись трагическими последствиями (с. 126 и др.). Нельзя, однако, не согласиться с автором в том, что «ответственность за эскалацию конфликта и масштабы жертв не может быть возложена исключительно на одну из сторон противоборства» (с. 67). Тезис сам по себе тривиальный, но применительно к истории РПЦ он приобретает статус методологического подхода.

При этом материалы по Смоленской губернии ещё раз показывают, что даже целенаправленное разрушение церкви не было бы столь эффективным, если бы не её «внутренние болезни», приобретённые в самодержавной России (с. 126–127 и др.) Анализ провинциальной практики позволяет автору сделать ещё один концептуально значимый вывод о зависимости результатов конфессиональной политики от индивидуального восприятия установок партии и правительства в религиозной сфере.

Особенно ярко это проявилось в ходе двух крупнейших государственных антирелигиозных кампаний (по вскрытию мощей и изъятию церковных ценностей, с. 86–96). Попытки верующих отстоять свои права перед новой властью переросли в массовое сопротивление, известное как «смоленское восстание». Внимательное «прочтение» социального контекста событий позволяет М. В. Каиллю опровергнуть распространённые в современной историографии оценки характера государственно-церковных отношений рассматриваемого периода. Не отрицая репрессивные

действия советской власти, он справедливо предлагает учитывать официальную позицию РПЦ и провинциального православного общества, которые зачастую приводили к конфронтации.

Рассматривая эволюцию организационных форм и практик религиозной жизни православных Смоленской епархии (глава 3), автор продолжает развивать сюжеты, обозначенные ранее: на примере становления органов епархиального управления в годы Гражданской войны рельефно представлены внутриверительные распри, нарастание атеистических / антирелигиозных настроений населения под влиянием усиливающегося агитпропа, поиск модели взаимоотношений между верующими и атеистами. Здесь же в ткань исследования вплетается новая нить – обновленческий раскол (с. 134–150). Показывая абсурдные намерения советской власти построить «советскую» церковь (что, впрочем, отражало реальные настроения части общества), автор исподволь обозначил такую острую проблему, как ренегатство в церковной среде. Речь в данном случае идёт не об «измене» идее, вынужденном конформизме, а реальном сотрудничестве части обновленцев с агрессивно-репрессивной властью, доносительстве и активном участии в вы-

явлении «врагов народа». Следственные дела 1930-х гг. подтверждают эту связь.

Говоря о реакции общества на антицерковные деяния власти, автор обозначает ещё один «нестареющий» исследовательский сюжет о пастырстве. Он красной нитью пронзает текст монографии. Вряд ли наступит такое время, когда в церкви соберутся одни лишь «идеальные» священники. Но автор прав, отмечая, что недостатки служения, внутриверительная конфликтность, изъяны бытового поведения священников отнюдь не способствовали консолидации православного мира – даже перед угрозой разрушения церкви. Автор справедливо подметил, что новое поколение пастырей, включая епископат, «впитало» дух нового времени и следовало научениям гражданских властей не только из страха, но и по убеждениям.

Документальная часть монографии состоит из пяти разделов, где последовательно представлены материалы, ставшие основой данного исследования. Наличие этого раздела ценно тем, что дает возможность читателю ознакомиться с оригинальными текстами и провести самостоятельный анализ.

*Докт. ист. наук,
профессор Т. Г. Леонтьева.*